

Игорь Шестков "Заметки о Берлинской стене"

ЗАМЕТКИ О БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЕ

(материал для радио RFI)

Стена

9 ноября 2009 в Берлине будет праздноваться 20 годовщина падения знаменитой Берлинской Стены. На празднование съедутся видные политики, лауреаты нобелевской премии и другие знаменитости, вокруг Бранденбургских Ворот соберется миллионная толпа берлинцев и гостей столицы объединенного немецкого государства.

Не обойдется и без грандиозного представления – одна за другой будут обрушены тысяча двух с половиной метровых костяшек-домино, стоящих в ожидании праздника от Потсдамской площади до здания Рейхстага. Легкие пенопластовые блоки будут по расчетам организаторов падать один за другим – полчаса – символизируя и утверждая падение ненавистной Стены.

После падения последнего домино начнется фейерверк.

Со времен палеолита люди строили стены, валы и рвы для защиты от внешних врагов.

Берлинская стена однако, была сооружена строителями ГДР для предотвращения бегства своих граждан в Западный Берлин и дальше – в огромный свободный мир. Чтобы скрыть это, Стену называли „антифашистским защитным валом“. Возможно, восточногерманские и советские лидеры верили собственной пропаганде – кроме прочих прелестей Стена включала в себя линии противотанковых ежей и специальные траншеи против моторизованной техники. Хотя на Восточный Берлин никто и не думал нападать.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 года вдоль всей границы Западного Берлина были установлены столбы, на них была натянута колючая проволока.

Стену строили, укрепляли и расширяли все 28 лет ее существования. В своем

окончательном, совершенном виде Берлинская Стена состояла как кольцо Сатурна из нескольких, опоясывающих Западный Берлин колец: внутренней бетонной стены, трехметровой стены из металлической сетки и колючей проволоки, под током и с сигнальными устройствами, полосы, по которой бегали овчарки (всего на Берлинской стене служили около 1000 собак, содержащихся в двухсот сорока шести собачьих питомниках), полосы из вышеупомянутых противотанковых ежей и траншей, следовой полосы, светового коридора, бетонированного пути для патрулей, и, наконец, еще одной бетонной стены, высотой в три с половиной метра. Эта, последняя стена увенчивалась продольным цилиндрическим покрытием – чтобы труднее было перелезть. Стена эта состояла из г-образных бетонных блоков, обычно употреблявшихся в сельском хозяйстве восточной Германии при постройке силосных ям.

Кроме этого вдоль всей Стены были вырыты бункеры и поставлены пограничные вышки. Водные границы были дополнительно оборудованы подводными крюками и другими приятными неожиданностями для возможных пловцов.

Вопреки распространенному мнению на Берлинской стене не были установлены столь успешные на внешней немецко-немецкой границе самострелы. Не было и минных полей.

По различным данным на Стене или из-за Стены погибло от 136 до 206 человек. Первой жертвой стала пятидесяти восьмилетняя Ида Зикманн, выпрыгнувшая в отчаянии из окна собственной квартиры с четвертого этажа дома на Бернауерстрассе, через который проходила граница между советским и французским секторами Берлина. 22 августа восточноберлинские власти забаррикадировали выход ее дома на западную сторону. На лестничной клетке ее уже ожидали полицейские. Госпожа Зикманн кинула из окна на тротуар все имевшиеся у нее пуховые подушки и прыгнула. Подушки не помогли – женщина разбилась насмерть. Не думаю, что эта одинокая женщина «выбрала свободу и

отдала за нее жизнь», как писали тогда западные газеты. Мотивация ее была проста и человечна, единственная ее родственница, сестра, жила неподалеку, в западной части Берлина.

Я видел фотографию Иды Зикманн – это была миловидная старомодно одетая женщина. меховое пальто. Кудряшки. Подкрашенные губы. Колье.

Второй жертвой Стены был 24-летний Гюнтер Литфин. Этот закройщик из восточной части Берлина работал в западной его части, снял там квартиру и собирался ее обставить... Узнав о том, что он отрезан и от квартиры и от работы, он спрыгнул с моста Хумболдхафен в канал Шпандау и поплыл к другому берегу. Восточногерманский полицейский убил его выстрелом в голову. Газета немецких коммунистов «Нойес Дойчланд» назвала Гюнтера Литфина «гомосексуалистом, проституткой и уголовником».

Третьей официально зафиксированной жертвой Стены стал 27-летний рабочий-трубоукладчик Роланд Хофф. Этот человек переехал из района Ганновера в Восточную Германию за несколько месяцев до постройки Стены. Есть же на свете чудачки. Устроился на работу.

13 августа выступил на производственном собрании против закрытия границы и был тут же уволен. 29 августа Хофф сумел замешаться в толпу рабочих, укреплявших береговые стены канала Телтов. Потом Хофф прыгнул в канал. Его тоже убили выстрелом в голову. Пресса ГДР комментировала это убийство так: «Длинные руки поджигателей Холодной войны не смогли завершить свое грязное дело. Вошь на теле нашего рабоче-крестьянского государства была раздавлена до того, как смогла укусить...»

Стена убивала не только восточных немцев.

11 мая 1975 года пятилетний мальчик, житель Кройцберга, упал в реку Шпрее. Пытался достать уплывающий мяч. Ребенок утонул – никто не решился спасти его. Люди знали – в реке их настигнут пули с другого берега. Потому что в этом месте река Шпрее, во всю свою ширину принадлежала восточной зоне. Труп ребенка подобрал восточногерманский водолаз-пограничник. Но не передал его на Запад – попытайся он это сделать, был бы тут же взят на прицел своими же коллегами, а унес его с собой на Восток, где труп ребенка был вскрыт и только потом передан по официальным каналам родителям мальчика в Западный

Берлин. После этого случая западноберлинские власти огородили берега реки и каналов специальными заборами.

Последней жертвой Стены считается Винфред Фройденберг, погибший 8 марта 1989 года при попытке перелететь из Восточного в Западный Берлин на самодельном воздушном шаре, наполненном газом.

Первые впечатления или – что скрывала Стена

Я приехал в Берлин в апреле 1990 года. Приехал на поезде из серой, грязной и обнищавшей Москвы. Горбачев тогда явно повернул вправо, в его глазах все чаще мелькала злоба и растерянность – он явно терял власть и был не прочь, вопреки поздним его утверждениям, развернуть машину истории вспять и вернуться в застойное время.

Сейчас Горбачев чествуется на Западе как великий реформатор, разрушитель Берлинской Стены и Железного Занавеса, освободитель Восточной Европы и народов СССР от тоталитаризма и коммунизма. Мне же всегда представлялось, что Горбачев все это и в страшном сне не видел. И старался всеми силами предотвратить. Он действительно хотел исправить некоторые вопиющие недостатки советской системы. Позволил напечатать старые книги, снял частично цензуру в СМИ, ввел половинчатую гласность – и не заметил, что спровоцировал этим тотальный обвал советчины. Видимо он до конца не осознавал, что СССР не реформируем и держится исключительно на лжи и насилии.

В апреле 90-о мне мерещился новый тягостный застой или еще хуже – диктатура бывших партийцев и гэбэшников в союзе с «Памятью», реакционными попами и организованной преступностью... Нечто подобное действительно возникло, но на полтора десятилетия позже, в путинское время... А тогда...

Тогда, в апреле, я шел пешком к Чекпойнту Чарли на Фридрихштрассе в Берлине... Стоял теплый солнечный день, у меня было прекрасное настроение, которое не испортилось даже тогда, когда я увидел очередь примерно в две тысячи человек перед входом. Берлинская Стена в это время вовсе и не думала

исчезать, наоборот, стояла в полной своей абсурдной неприкосновенности и охранялась пограничниками ГДР, только приказ о стрельбе по беженцам был отменен, а желающие перейти в Западный Берлин проходили, предъявив документы, через официальные пропускные пункты. Стоя в шумной и веселой очереди, состоящей из счастливых восточноевропейцев всех возрастов и рас, я пытался суммировать впечатления от Восточного Берлина, от впервые увиденной Стены. Серый, скучный, вонючий город с советской архитектурой и пустыми магазинами. Стена невысокая. Из скверного, местами облупленного бетона. Несolidная стена. На не покрашенных местах – цвета старых валенок или гнили...

Западного Берлина я еще не видел. Заметил только силуэты нескольких высоких домов. Разноуровневых, разнообразных, явно не похожих на московские новостройки. В голове неясно промелькнули полузабытые имена, понятия и картинки из книжки по архитектуре. Вальтер Гропиус, Мис ван дер Роэ, Баухауз, конструктивизм, органическая архитектура. Мифы и абстракции...

Очередь двигалась удивительно быстро – и вот, гэдээровский пограничник покрутил в руках мой краснокожий советский внутренний паспорт (другого у меня не было) и вклеил в него штемпель «пересек границу с ФРГ» в графе «служба в советской армии и флоте». Сердце у меня ёкнуло, я представил себе, что будет, если я покажу паспорт с такой печатью в брежневском военкомате... Толстый американский негр даже не посмотрел на мой документ с серпом и молотом, а, брезгливо поморщившись, махнул мне рукой – вали, мол – и отвернулся.

Так я очутился в настоящей загранице. Впервые в жизни. И побрел, как все – к Кудаму, или как объяснил идущий рядом соотечественник – «к церкви с оторванной башкой».

Там я понял, что скрывали мрачные восточные коммунисты за Берлинской Стеной...

Я видел в СССР различные толпы – праздную курортную толпу в Ялте, пляшущую на белый пароход «Адмирал Нахимов». Видел толпу, бурлящую у входов в магазин «Детский мир» на Дзержинке, сдержанную толпу эстонцев на Ратушной площади в Таллине, слегка разнузданную толпу одесситов на

Дерибасовской, особенно хорошо помню молчаливую толпу у входа в винный отдел ясеневского универсама во времена борьбы с алкоголизмом. Только тяжелые вздохи и угрюмое шарканье доносились от той кромешной толпы. Помню потные и злые толпы на станциях московского метро в часы пик, толпы уставших людей с сантиметровыми сугробами на шапках – в Беляево, на остановках автобусов.

Но никогда за все мои 34 года я никогда не видел такую живую, пеструю, беззаботную и веселую толпу как тогда у Гедехнискирхе. Толпу европейцев. Новых для меня, пестрых людей. Независимых, свободных. Свободных от тоталитарного гнета советчины, от пионерии, комсомолии, от парткомов-месткомов, от первых отделов, от клятв у мавзолея, от борьбы за мир, от газеты Известия, от политбюро, от византийских похорон начальников, от коммунальных квартир, от хрущоб, от сталинского ампира, от Павки Корчагина и Павлика Морозова, от съездов КПСС, от линеек, построений, собраний, от общественной работы, от политинформаций, субботников, от поездок на картошку, от программы «Время», от кинофильма «Подвиг разведчика», от Сергея Михалкова, от ленинских уроков и от политэкономии социализма....

В первом же магазине электроники меня поразило обилие радио, магнитофонов, диктофонов, плееров... Продавец смеялся. С десятков экранов телевизоров экстатически смотрела в пространство коротко остриженная, похожая на печального мальчика, ирландская дива – Шинед О Коннор. Она пела свой первый хит – «Nothing compares 2U»... Ее холодные, красивые, почти кукольные глаза выражали полное безразличие к судьбе перестройки, СССР и всего прогрессивного человечества.

Я понял, что провел первую половину своей жизни в тяжком бессмысленном кошмаре и поклялся самому себе – я уеду оттуда, уеду навсегда...

20 лет спустя. Разговор с соседями.

Накануне праздника – двадцатилетия падения Берлинской Стены – спрашиваю соседку, бывшую журналистку, 72-летнюю Эльзу Кох: «Какие исторические дни

вам больше всего запомнились?»

Я надеялся, что она расскажет о падении берлинской Стены и об объединении Германии.

«Исторические дни? Больше всего запомнилось 8 мая 1945-го. Закончилась война. Мы, дети и мама, остались живы. Но главное не в этом. В деревеньке нашей, куда мы от фронта убежали, сдохла последняя лошадь – и нам разрешили отрезать от нее немного мяса. Помню, стояла в очереди и думала – только бы не упасть. Упаду – не достанется нам мяса. Мать потом выдержит. Или с голоду умру...»

«Ну и что же, довелось вам отведать конины?»

«Достояла. Хороший кусок отрезала. Я была тогда крепкая. Да, половину мать сварила и маленькими кусочками нас несколько дней кормила. А вторую – завялила. Соль на табак выменяли. Мы сажали тогда табак».

«А что потом было? Тогда, в мае».

«Лучше не спрашивай. Нас грабили, били и насиловали и чехи, и поляки и русские. У матери дедушкины золотые часы отобрали. Но хоть картофель иногда нам давали. Проросший. Клубни почти пустые. Мы ели».

«А что вы почувствовали, когда узнали, что Стена упала? В ноябре 1989-го».

«Ничего я не почувствовала. У моего мужа мать умерла. Похороны были. А потом, мы же знали, что дальше будет, да, знали...»

«Что же такого страшного случилось?»

«Я работала тогда на телевидении. Через полгода после объединения – всех нас уволили. Все семь тысяч человек. Смешно, главные мерзавцы – все рано или поздно устроились, а хорошие люди так и остались безработными – до самой пенсии...»

«Вы же на идеологическом фронте трудились – служили Хонеккеру и Стене, так сказать, идеологической опоркой».

«Да, мы-то были опоркой, а другие? Через два года после объединения почти все „оси“ работу потеряли. Фабрики и институты позакрывали, профессоров и мастеров разогнали, оборудование и землю распродали, на все хлебные посты – нагнали своих с Запада. Третий гарнитур, а тут выпендриваются и нас жить учат. Даже рентабельные предприятия уничтожили. Это не объединение было, а

завоевание... Откупились от русских, а тут все к рукам прибрали».

«Ради чего же тогда демонстрировали сотни тысяч людей в Лейпциге и Берлине?»

«Поймите, мы хотели другой ГДР. Демократической, открытой, прогрессивной, без Стены, без политбюро, без ШТАЗИ. Ради этого люди демонстрировали. Люди хотели – другую страну. Прагматическую, без идеологии, пусть не богатую, но без безработицы, без кризисов и бездомных, экологически чистую и без этих... Из Баварии... Вы конечно не поверите, но мы в наш социализм верили...»

«Таких стран не бывает. Или то, или сё... А что вы почувствовали тогда, 13 августа 1961, когда узнали, что ваши власти границу перекрыли и начали Стену строить?»

«Что вы все про Стену, да про Стену... Нет больше Стены. Раздробили ее на камешки и продают теперь туристам в пластиковых коробочках. На некоторых камешках и капельки крови, небось, сохранились...

Что я тогда почувствовала? Мне, берлинке, было конечно больно. С другой стороны – я, как и все другие, понимала – дальше так нельзя. Почти все врачи и инженеры ушли. Работать было некому. Все дешевые товары раскупили. К парикмахеру сходить было нельзя – везде те, с Запада, сидели. Тогдашним летом каждый день по полторы тысячи человек уходило. Закрывать надо было границу. ГДР разваливалась. Но развалиться до конца ей бы русские все равно не дали – всех бы нас поубивали. Как в пятьдесят третьем. Лучше Стена, чем еще раз такое. И еще – мне было стыдно, что от нас все бегут. Да я и сама не раз думала, не уйти ли...»

«И почему же не ушли?»

«Совесть надо иметь. Я тут и образование бесплатное получила и квартиру дешевую и работу. Мне мой диплом бы там не засчитали. Родители в Саксонии жили. Я их жалела. Уехать – значило бы их навсегда потерять».

«На празднование вечером 9-о к Бранденбургским воротам поедете?»

«Нет, зачем. Народу там будет – не продохнешь. Будут дешевые сосиски лопать, так, как будто их в первый раз увидели. Пиво пить. Музыка будет ужасная. Салют. Это развлечение для совсем уж безмозглых... Пусть резвятся».

На лестничной клетке встретил другого соседа, бывшего таксиста Юргена. Юрген поглядел на мой блокнот и сказал: «Разговаривал с Эльзой? Пиши так – Юрген Кранц всем доволен. 9 ноября буду праздновать у Бранденбургских ворот. С женой и собакой. Политику христианских и свободных демократов – поддерживаю и одобряю...»

Потом задумался, посерьезнел и добавил горько: «Эта дерьмовая стена...»